

В Чикаго умер Александр Асаркан. Неповторимый, ни на кого не похожий человек. Уникум во всем. Блистательный сочинитель разных текстов, неважно в каком жанре – рецензии на фильм, спектакль или безымянной заметки по случаю какой-нибудь исторической даты. Абсолютный бессребренник – три рубля старыми хватало дня на два: батон, плавленый сырок и пакет молока. Не подверженный никаким амбициям, кроме самой простой – охранять и сохранять свое имя. Писал только о том, о чем хотел писать. И как писал! Его тексты разбросаны по кино и театральным изданиям 60-80-х; лет пять назад журнал “Читальный зал” напечатал подборку заметок и рецензий Асаркана из “Искусства кино”,

“Спутника кинозрителя”, “Спутника кинофестиваля”. Я перечитал их вчера – какая же прозрачность слога, какая легкость стиля и вместе с тем некичливая и естественная глубина знания. Знания обо всем на свете. Саша был энциклопедистом, но только в том смысле, что почти любую статью культурного словаря мог пополнить своей личной россыпью фактов, расширяющих предмет рассмотрения. Ему не нужно было рыться в справочниках, чтобы выстроить нужную ему параллель. Само мышление его было образовано исторической перспективой развития искусств.

Ему все было интересно. Он ехал в командировку в Одессу и выходил по пути на каждой крупной станции, компостируя билет, чтобы обойти улочки Конотона или другой какой Тьмутаракани. Один на один со временем, прошедшим и настоящим. Он уехал из страны в начале восьмидесятых, попал в Италию, о которой знал не меньше самых дотошных исследователей. Тогда уезжали по разным причинам и не последним обстоятельством было желание переиначить, переустроить жизнь. Может, Асаркан был единственным, кто не собирался ничего менять. Таких профессий нет, но он был просто наблюдателем жизни. И она вознаградила его Италией.

У меня есть десятка полтора его писем из Чикаго. Замечательно асаркановских, когда на страничке нет ни одного незаполненного кусочка пространства: разными чернилами, со стрелочками, врезками на полях, отслвоенными изображениями из газет, открыток. И всегда – ясная, изящная, точная мысль. Пустота была ему чужда.

В Америке за ним охотились эмигрантские издания, знали класс его письма. Но он отказывался от всех предложений. Знаю это потому, что сам предложил ему сотрудничество, когда образовалась наша газета. Посылал ему номера, он лестно отзывался о прочитанном, предложил несколько тем, но написал, что в журналистику возвращаться не собирается.

В Чикаго его навещали коллеги и друзья. От “ЭС” была Нина Агишева, тогда еще наша сотрудница. К Алексею Баташеву он приехал в чикагский аэропорт, где у того была пересадка. От Вадима Гаевского я узнал, как отмечали 70-летие Асаркана в Лондоне. Сашу никогда не забывали в Москве и передавали друг другу все, что слышали о его нынешней жизни.

Эта жизнь кончилась. В 68-м году он завершил одну рецензию так: “Конец всегда приходит откуда-то со стороны. Или это смерть, или “ну, на сегодня хватит”, или исчерпаны лимиты. Внутри искусства конца не бывает”.

Ах, дорогой Александр Наумович. Вот и еще одна нить, связанная с целой эпохой, оборвалась. Новый век безжалостен. Но ты останешься в нас навсегда, по крайней мере, пока не придет и наш черед.

Александр АВДЕЕНКО

Жизнь и смерть –